

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 159.923.2-057.875(497.2)
ББК Ю962.3

ГСНТИ 15.41.31; 14.35.01

Код ВАК 22.00.06; 13.00.01

Димитров Иван Тонев,

доктор психологических наук, профессор Философского факультета, Софийский университет имени Св. Климента Охридского; 1504, Болгария, София, Царь Освободитель, 15; e-mail: ivantdim@yahoo.com.

Петкова Илиана Огнянова,

кандидат педагогических наук, доцент Педагогического факультета, Софийский университет имени Св. Климента Охридского; 1504, Болгария, София, Царь Освободитель, 15; e-mail: ilianaopetkova@gmail.com.

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ У БОЛГАРСКИХ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: смысложизненные ориентации, цели в жизни, удовлетворенность, локализация контроля, жизнестойкость, вовлеченность, принятия риска, контроль.

АННОТАЦИЯ. Теоретическими предпосылками работы послужили труды Э. Дюркгейма и В. Франкла. Методологической базой эмпирического исследования послужили разработки таких ученых, как Д. Крамбо, Л. Махолик, Д. Леонтьев, Н. О. Леоненко (она является координатором международного исследовательского проекта, в рамках которого была проведена характеризуемая в статье работа). Проблема смысложизненных ориентаций приобретает особую актуальность в условиях хронической аномии (отсутствия нормы), проявившейся в общественной жизни уже в XIX в., но особенно заметной сегодня, в эпоху глобализации. Выделяются типичные черты аномии: распад традиционных систем ценностей; размытие границы между дозволенным и запрещенным; отсутствие культуры свободы, неумение брать на себя ответственность за свои поступки, стремление к мимикрии; рост эгоизма, угасание чувств общности, социальной ответственности, солидарности. Это приводит к тенденции распространения экзистенциальной фрустрации и экзистенциального вакуума среди студенческой молодежи. Данная тенденция была отмечена уже в 1960–1970-х гг. Последствиями могут стать конформизм, тоталитаризм и ноогенные неврозы (состояние экзистенциального вакуума, отсутствие целей и смысла в жизни, стремления к его поиску) с такими симптомами, как праздность или апатия. Предметом эмпирического исследования стали цели, регулирующие деятельность и поведение молодых людей (студентов) и придающие осмысленность их жизни. В ходе исследования была установлена внутренняя архитектура смысложизненных целей и ориентаций, оценивался уровень функционирования жизнестойкости в качестве личностной диспозиции с тремя структурными компонентами – вовлеченностью, контролем и принятием риска.

Dimitrov Ivan Tonev,

Doctor of Psychology, Professor, Faculty of Philosophy, Sofia University "St. Kliment Ohridski", Sofia, Bulgaria.

Petkova Iliana Ognyanovna,

Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Faculty of Education, Sofia University "St. Kliment Ohridski", Sofia, Bulgaria.

NOETIC GOALS AND VITALITY OF BULGARIAN HUMANITIES STUDENTS

KEYWORDS: noetic goals, purpose in life, satisfaction, localization of control, vitality, involvement, control and acceptance of risk.

ABSTRACT. Theoretical premises of the presented study are connected with the works of E. Durkheim and V. Frankl. The methodological basis of the undertaken empirical research is made up by the works of such scholars as D. Crumbaugh, J. Maholick, D. Leontyev and N.O. Leonenko (she is the coordinator of the international research project in the framework of which the presented research was carried out). The problem of purpose-in-life orientations becomes especially urgent in the conditions of chronic anormality (absence of norm) which appeared in social life even in the 19th century but is especially evident in today's epoch of globalization. The authors single out the typical features of anormality: disintegration of traditional systems of values; disappearance of distinction between the allowed and the prohibited; absence of culture of freedom; inability to take responsibility for one's deeds; aspiration for mimicry; growth of egoism, decline of the feelings of community, social responsibility and solidarity. All this leads to the tendency to spread existential frustration and existential vacuum among students. The given tendency was registered as far back as 1960s-1970s. Conformism, *TOTALITARIANISM* and *NOOGENETIC NEUROSES* (the state of existential vacuum, absence of purpose and sense in life, desire to find it) with such symptoms as laziness or apathy may become aftereffects of the tendency. The object of the empirical research is the goals regulating the activity and behavior of the young people (students) and giving sense to their lives. In the course of the presented research, the authors revealed the inner structure of noetic goals and orientations and analyzed the level of functioning of vitality as personal disposition with three structural components – involvement, control and risk taking.

I. Теоретико-методологическая постановка проблемы

Знаменитый французский социолог Э. Дюркгейм [3] еще в конце XIX в. обоснованно поставил тогдашнему обществу тяжелый, но объективный и справедливый диагноз, который он обозначил термином «*anomie*» – «аномия» («без нормы»). Отсутствием нормы характеризовалась организация и контроль со стороны общества над своими членами. Этим термином определялась и жизнь некоторых людей без правил, порядков и меры, их безответственность перед обществом. Диагноз «хронической аномии» общества, поставленный Дюркгеймом, подтвердился трагическими катаклизмами и их последствиями в XX в. («самое страшное столетие в истории», по словам не менее знаменитого русского мыслителя и писателя Александра Солженицина [13]). Социально-экономические, духовно-аксиологические и социально-психологические процессы в начале XXI в. тоже, по мнению осмысливающих их философов, не добавляют оптимизма всем трезво мыслящим людям. Приведем лишь несколько «классических» последствий аномии в обществе и предоставим уважаемым читателям самим решать, в какой степени «призрак аномии» бродит ныне в наших странах и встречаемся ли мы с ним сегодня.

Во-первых, в условиях аномии ускоряется процесс распада традиционных систем ценностей, которые десятилетиями служили в качестве своеобразных ориентиров поведения множества членов общества. Во-вторых, утрата социумом стимулирующих и регулирующих функций, пренебрежение традициями, ценностями, нормами и правилами совершенно естественно открыли путь к снятию границ возможного и дозволенного – «красная линия» непозволенного стала пересекаться легко, бесстыдно, и притом безнаказанно. Другими словами, размылась разница между «можно» и «нельзя», между «должен» и «не должен», между «талантом» и «бездарностью», т. е. утратились критерии установления любой «определенной классификации» в понимании Дюркгейма. В-третьих, в условиях аномии немало людей сталкиваются с проблемами свободы, и для них трудно разграничить симбиотически связанные и взаимно друг друга предполагающие «свободу от...» и «свободу для...»; скажется неумение быть свободными, независимыми и ответственными людьми, отражается история отсутствия свободы: чем дольше ее не было, тем сильнее последствия. Вряд ли можно отрицать, что свобода и культура индивида и народа в

целом явления «соотносительные», что они являются взаимосвязанными, взаимодополняющими и нераздельными частями одной и той же системы. Отсутствие «культуры для свободы» неизбежно вызывает к жизни компенсаторное и подражательное поведение индивида, общности, народа [2]. В-четвертых, при аномии в обществе угасают ощущения общности, солидарности, сострадательности и взаимной ответственности и, наоборот, усиливаются императивы индивидуалистического, эгоистического «Я». В-пятых, симптомом аномии сегодня, как и в прошлом, является миграция огромных потоков населения по всему миру. Например, менее чем за тридцать лет Болгария потеряла около 22% своего населения, и сегодня она занимает первое место по «потери человеческого потенциала». Но к этому мы вернемся подробнее при обсуждении данных нашего эмпирического исследования.

В таких обстоятельствах совершенно закономерны неуспехи людей в их социальной адаптации к скоротечным переменам в обществе, их социальная дезинтеграция, дегуманизация социальной среды и деперсонализация отношений между людьми. На передний план выходят и празднуют победу эгоизм и безличность, а в конечном счете – бездуховность и безответственность. Распад связей между личностью и обществом, пренебрежительное отношение к социальным нормам и устоям начинает переживаться человеком в виде ощущения разобщенности и отчужденности, дезориентированности, растерянности и бесперспективности. После всего этого неизбежно следуют одиночество, пустота и обесмысливание своего собственного существования. Если бы аномия ограничивалась только указанными выше последствиями, сопутствующими глобализации и длительному господству неолиберализма, взаимного отмеживания государства от общества и, наоборот, общества от государства! Можно открыто сказать, что последствия этого «перехода» – социально-политического, экономического и духовного – в конечном счете идут на пользу далеко не всем: благоприятные условия для алчного и ненасытного «капитала» и выдвинутой им политической «элиты» ущербны для большинства населения. И все это не может не отражаться в национальной, социальной и личной идентичности и не порождать «диффузию» [20] и даже распад чувства субъективного, психического и социального благополучия. Грустными, но убедительными свидетельствами этого являются данные о различных девиациях в поведении людей – насилии, агрессии, самоубийст-

вах, издевательствах и преступности, – равно как данные о резком ухудшении соматического и психического здоровья людей, в том числе молодых людей, детей и подростков.

Указанные выше основные характеристики аномии, описанные в прошлом Дюркгеймом и наблюдающиеся сегодня, неумолимо «актуализируют» постулаты известного австрийского невролога и психиатра В. Франкла, создателя логотерапии [14; 21], идеи которого способны объяснить современные реалии. Как хорошо известно, три основных постулата – «свобода воли», «смысл жизни» и «воля для поиска смысла» – из теории Франкла легли в основу его психотерапевтической практики, с помощью которой он стимулировал и подкреплял убеждение своих пациентов в том, что человек в любой жизненной ситуации должен сохранять и проявлять имманентно присущую ему свободу и независимость, для того чтобы была возможность адекватного и равнозначного выбора стратегии поведения в отношении несправедливой к нему судьбы. Другими словами, Франкл буквально «вменяет» человеку осознание «личной ответственности» за сделанный им выбор, т. е. потребность в персональном и активном поиске смысла в любой ситуации. В противном случае перед ним остается лишь одна альтернатива – предоставить себя судьбе, оказаться перед «экзистенциальной фрустрацией» и впасть в «экзистенциальный вакуум»¹.

Еще в 60–70-х гг. XX в. Франкл констатирует тенденцию распространения экзистенциальной фрустрации и экзистенциального вакуума среди студентов университетов США, как и в других странах мира. Вначале Франкл указывает на два последствия экзистенциального вакуума среди студентов англосаксонских стран – «конформизм» («делаю лишь то, что другие вокруг меня делают») и «тоталитаризм» («поступаю так, как другие требуют от меня»)². Впоследствии

¹ Между прочим, если вернемся назад к истории философской и психологической мысли, то нельзя не заметить, что все эти три основные понятия в теории Франкла навеяны идеями или являются реакциями как на более старые, так и на более новые философские течения (Кант, Шопенгауэр, Ницше, Хайдеггер, Вертгаймер, К. Коффка и др.), и в своей совокупности отражают необходимость в «трансцендентности» и «себетрансцендентности», т. е. необходимость «преодоления» и «воздвижения» самого себя.

² Знаменитый итальянский писатель Альберто Моравиа в своем «Конформисте» художественными средствами проникновенно раскрыл и прекрасно описал поведение итальянского интеллигента-конформиста в условиях тоталитарного фашистского режима.

для обозначения новых, описанных им специфических для экзистенциального вакуума признаков Франкл вводит термин «ноогенные неврозы» («noogenic neurosis»), которые по своему «социогенному происхождению» отличаются от обычных неврозов, определяемых чаще всего как «психогенные». Ноогенные неврозы Франкл видит как состояние экзистенциального вакуума, отсутствие целей и смысла в жизни, равно как потребности в его поисках. Отсюда и симптомы – «праздность, пустота, скука и апатия». Стремясь объяснить эту устрашающую тенденцию, Франкл приходит к выводам, связанным с существенными и господствующими характеристиками социокультурного контекста соответствующих стран. Он ссылается на классический «нигилизм» XIX–XX вв. как на общественно-политическое и философско-культурологическое течение (вспомним, например, «Бытие и Ничто» Ж. П. Сартра, «Отцов и детей» И. С. Тургенева и другие книги), подчеркивая, что современный нигилизм и есть синоним «редукционизма», но отличается от классического принципом «ничего другого, кроме...», т. е. дух редукционизма, владеющий духовной жизнью в англосаксонском мире, серьезно влияет на идеалы, ценности и интересы, а следовательно, и на поведение молодой генерации в этом мире³.

Подобный редукционизм в культуре и ментальности общества наших дней подтверждается поведением отдельных людей, групп и слоев общества. Прежде всего следует назвать такие симптомы, как стремление к материальному благополучию и абсолютизация «вещественности», личная выгода, самоизоляция и инкапсуляция, широкое распространение различных психопатологических проявлений, усиление индивидуали-

³ Между прочим, характеристика «классических» нигилистов совсем неоднозначна. Одни авторы приписывают им скрытый эгоизм и индивидуализм, вредное самолюбие и непринятие восторженного романтизма; другие представляют нигилистов как беспокойных и скукающих людей, отрицающих тесные связи между родителями и детьми в семье, считают их борцами против вечных начал человеческой жизни и установленного порядка, зачастую скандализирующими и отрицающими существующее общественное устройство. Третьи, среди которых ярко выделяется Ф. М. Достоевский, «защитивший» И. С. Тургенева за его нигилиста Базарова в романе «Отцы и дети», показывают нам совершенно другой пласт духовного содержания личности нигилиста, а именно «стремление к высоким идеалам, личным и социальным». В подобном стремлении писатель видел «залог вечного обновления». В конечном счете для Достоевского за «осуждением зла непременно скрывается любовь к добру».

стических стратегий поведения, приобретающие качества устойчивых этнокультурных скриптов в ряде стран. Интровертированность, сосредоточивание на своем внутреннем мире, часто сопровождающееся незаинтересованностью и потерей чувства общности с другими людьми, неумолимо ведет к болезненной меланхолии и эгоистическим самоубийствам, на что обращал внимание еще в конце XIX в. Э. Дюркгейм. Такому своеобразному и широко распространенному редукционизму Франкл противопоставляет понимание Кантом «трансцендентности» и «себетрансцендентности». Последняя «раскрывает факт, что быть человеком означает направленность к чему-то другому вне самого себя» [14, с. 292]. Подобная концепция Франкла о «необходимости воли в поисках смысла» (“will of meaning”) имеет свои корни и в некоторых основных положениях немецкой гештальтпсихологии (Вертаймер, К. Коффка, Келер и др.), прежде всего в положении об «объективном существовании смысла» как чем-то специфическом и неповторимом, которое человек должен искать и открывать. Отсюда и фундаментальное заключение: поиск и нахождение «подобающего» и эквивалентного каждому из нас смысла императивно требует задействования потребности и воли, значительного психосоматического напряжения и инициативную личную активность в соответствии с подобным индивидуальным смыслом.

И поскольку наше время снова демонстрирует черты аномии, то было бы полезно актуализировать указанные Франклом пути противостояния экзистенциальной фрустрации и экзистенциальному вакууму. Первый из них требует «включения» человека в какую-нибудь созидательную, продуктивную деятельность на пользу других и общества. Второй путь предписывает необходимость приобретения личного, пережитого опыта, который, независимо от того, положителен ли он или отрицателен, человек должен воспринимать как необходимый и ценный. И наконец, третий путь касается установки и отношения человека к неудачам и неблагоприятиям, бедам и страданиям, которые неизбежно сопутствуют человеческой жизни, что Франкл убедительно доказывает примерами из терапии своих пациентов, и сильнее всего – через пережитое им самим в нацистском концлагере Освенцим.

В соответствии с этими тремя путями постижения смысла жизни – созидание и творчество, переживание опыта в качестве ценности и отношение к страданиям – Франкл разграничивает три «основные системы ценностей»: созидательность, интен-

сивность переживаний и отношение человека к негативным фактам и событиям, обескураживающим его и деформирующим смысл его собственного существования.

В заключение теоретико-методологической постановки проблемы исследования отметим, что, согласно Франклу, три фактора влияют на формирование сущности человеческого бытия («духовность», «свобода» и «ответственность»), объединенные им общим названием «ценности». Последние могут быть специфическими, несравнимыми и даже уникальными для каждого отдельного человека и любой ситуации в жизни.

II. Методика эмпирического исследования

Предложенная Франклом теоретическая концепция воли в поисках смысла жизни и актуализация идеи себетрансцендентности быстро находят свои эмпирические исследовательские подтверждения, среди которых одно из первых принадлежало его американским сотрудникам Джеймсу Крамбо и Леонарду Махолику [16; 17]. Эти авторы разрабатывают и используют тест, получивший название “Purpose in Life” – «Цель в жизни», с помощью которого они хотели измерить степень выраженности «воли к жизни» у различных испытуемых (люди с высокими профессиональными достижениями и с высокой выраженностью воли в поисках смысла; другие, страдающие от невроза и склонности к самоубийству). Происхождение неврозов авторы связывают с состояниями экзистенциальной фрустрации и экзистенциального вакуума, описанными Франклом. Спустя некоторое время эти же авторы дополняют содержание своего теста и расширяют сферу его приложения, подчеркивая, что за целью в жизни стоит более широкая онтологическая реальность. К установленной уже факторной структуре теста они добавляют новую шкалу – «шкалу для поиска осмысливающих жизни цели» (Seeking of Noetic Goals Test – SONG), с помощью которой начали измерять силу мотивации для поиска смысла. Подобное расширение поля приложения теста открыло возможности для применения методического инструмента к более широкому контингенту обследуемых лиц, особенно вне клинических условий.

Совершенно естественно, что потом многие ученые создавали адаптированные к условиям своих стран и культур версии теста «Цель в жизни», а также сравнивали результаты применения этих версий теста с данными, полученными при помощи других методов. Исследования охватывали не

только клинические случаи и различные проявления экзистенциальной фрустрации, но и социальную желательность, тревожность, самоконтроль, субъективное и психическое благополучие и др. 4.

Одна из адаптаций теста Дж. Крамбо и Л. Махолика для исследования осмысленности жизни была сделана Д. А. Леонтьевым [9]. Эта русскоязычная версия теста для исследования осмысленности жизни предлагает пять факторов, которые автор и его последователи делают на две группы. В первую из них исследователи включили факторы «цели в жизни», «интерес и эмоциональная насыщенность жизни» и «удовлетворенность самореализацией», соотнося и связывая их приблизительно с будущим (цели), с настоящим (процесс) и с прошлым (результаты), наделяя их качествами потенциальных источников смысла человеческой жизни. Вторая группа факторов включает «локус контроля – Я» и «локус контроля – Жизнь», то есть уверенность человека в том, что он может быть фактором своей собственной жизни, и осознание того, что существует потенциальная возможность для самостоятельного выбора и его реализации в жизни. Эту версию теста под названием «Тест смысложизненных ориентаций», включающую пять субшкал, отражающих три конкретные смысложизненные ориентации и две стороны локуса контроля, объединенные «общим показателем» осмысленности жизни, мы, как будет показано ниже, использовали в своем эмпирическом исследовании. Оно является фрагментом международного исследовательского проекта с координатором Н. О. Леоненко 5.

1. Предмет и объект

Известно, что потребности и мотивы, ценности и интересы как побуждающие, регулирующие и контролирующее активное поведение людей в одной или другой сфере проявления всегда объективировались и находили отражение в более конкретных

целях, которые, со своей стороны, продолжают направлять и организовывать эту активность в краткосрочном и долгосрочном плане. Достижение таких целей и придает различный смысл человеческой жизни. И не случайно, что именно эта проблематика – ценностно-мотивационная сторона личности и осмысленно-целевая ее активность – издавна и широко изучается социальными и гуманитарными науками, предметами которых приобрели хрестоматийную известность, чтобы их здесь лишь раз упомянуть.

Исходя из убеждения, что реальность, в которой протекает жизнь и деятельность людей, должна всегда подвергаться рефлексии и объективной интерпретации, мы выбрали лишь один из фрагментов этой широкой и сложной реальности и определили его как **предмет** нашего эмпирического исследования, а именно **цели**, регулирующие деятельность и поведение молодых людей (студентов) и придающие осмысленность их жизни. Выбор возрастного периода сделан Н. О. Леоненко, которая по этому поводу пишет: «Поскольку студенческая молодежь является носителем активной силы для общественных перемен, а также потенциальной культурной, политической и экономической элитой общества, то способность молодого поколения преодолевать трудности в жизни определяет возможности государства в преодолении кризиса и дальнейшего прогресса» [7]. Соглашаясь с этим, позволим себе дополнить аргументацию выбора этого возрастного периода жизни в качестве **объекта** исследования. Студенческий период жизни, как хорошо известно, является переходным от юношества к молодости и «ранней зрелости», а переходные периоды в развитии как в социальном, так и в индивидуальном плане всегда интересовали исследователей и прежде всего наш взгляд, потому, что именно в эти периоды можно наблюдать синергическое переплетение трех разных процессов: а) очередную ресоциализацию и рестраивание внутренней архитектуры ценностной системы с элементами потери побуждающей и мотивирующей силы со стороны некоторых отдельных ее компонентов; б) отстаивание уже приобретенного и установленного, которое продолжает психологически стимулировать активность индивида и осмысливать его жизнь; в) генезис и динамику новых жизненных ориентаций, новых потребностей, ценностей и стремлений, объективирующихся в конкретных целях и интересах. Для нас все это имеет большое значение,

4 Убедительные иллюстрации и доказательства близости и сходства, известного перемешивания этих феноменов и, соответственно, операционализирующих их показателей и используемых методических средств для их измерения находим в появившихся впоследствии исследованиях субъективного благополучия (“subjective well-being”) [18], психологического благополучия (“psychological well-being”) [24] и социального благополучия (“social well-being”) [23], адаптированных к болгарским условиям проф. П. Калчевым [4].

5 Наталия Олеговна Леоненко, доцент Института психологии Уральского государственного педагогического университета. Исследования по проекту выполнены при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Правительства Свердловской области. Проект № 13-16-66024.

так как именно в этом периоде совершается глубокое переосмысление жизни и места человека в ней, затрагивающее все стороны личности студента – потребностно-мотивационную, социально-нравственную, когнитивную, «Я-систему» и волю. Студент как личность и как субъект своей активности в окружающем мире не может не рефлексировать над своей собственной экзистенцией, не может не искать смысл, который оправдывает его существование, не может не осознавать своей личной ответственности за этот смысл перед самим собой и перед другими, перед обществом в целом. Важна, на наш взгляд, и роль данного возраста – быть «социальным и жизненным регенератором», которую определил ей Э. Эриксон [19], имея в виду ее энергичность и активность, ее преданность и верность. И поэтому мы солидарны с Н. О. Леоненко в выборе этого возрастного периода жизни для кросс-культурного сравнительного исследования.

2. Цели, задачи и гипотезы эмпирических исследований

Установление характеристик и специфических особенностей смысловых ориентаций и жизнестойкости студентов некоторых гуманитарных специальностей Софийского университета стало **целью** наших исследований. Ее достижение требовало решения следующих **задач**: 1) установление внутренней архитектоники смысловых целей и ориентаций, а также выявление их доминирующих компонентов; 2) оценка уровня функционирования жизнестойкости в качестве личностной диспозиции с ее тремя структурными компонентами – вовлеченностью, контролем и принятием риска.

Формулирование наших **гипотез** предваряем некоторыми положениями. При представлении «теста смысловых ориентаций» Д. А. Леонтьев [9], заимствуя слова Франкла, подчеркивает, что «по существу сегодня данным, “Цель в жизни” не раскрывает устойчивых связей с полом, возрастом, уровнем образования, IQ, религиозностью и доходом» с целью подтверждения идеи В. Франкла о том, что «смысл жизни может быть найден у любого человека». Но идея Франкла о наличии смысла жизни у каждого человека не исключает, на наш взгляд, влияния на него со стороны таких факторов, как возраст и пол человека, его религиозная принадлежность, уровень образования и психометрический коэффициент интеллигентности, не говоря о влиянии доходов, которые в целом едва ли «нейтральны» и не связаны с целями жизни, при-

дающими ей один или другой, но удовлетворяющий смысл. Множество исследований, в том числе и болгарских авторов [1; 4], изучающих влияние образовательного ценза на ценностную систему у юношей, студентов, родителей и учителей, устанавливают разграничивающее значение этого фактора. Что касается влияния такой объективной категории, как возраст испытуемых, то в нашем случае исследуются лица в переходном возрасте, и нам трудно не учитывать специфику, порождаемую самим этим переходным характером. Отказ в статусе разграничительного фактора половой принадлежности испытуемых вызывает следующий вопрос. Неужели оба пола одинаковы по своим физическим и психофизиологическим характеристикам и особенно по социальным ролям, что только и может предполагать отсутствие различий между ними в области смысловых ориентаций и жизнестойкости? Неужели оба пола одинаково резистентны нагрузкам, стрессам, проблемам и вызовам жизни? Неужели, оперируя одними и теми же целями и ценностями, представители обоих полов осмысливают свою жизнь и испытывают удовлетворение от нее? Хочется верить, что в будущих исследованиях данных проблем будут рассматриваться и эти, ныне игнорируемые, факторы.

Отсюда вытекает первая наша гипотеза при исследовании болгарской выборки, а именно: от человека любого переходного возраста едва ли нужно ожидать консолидированности и устойчивости внутренней личностной структуры. Наоборот, сам переход препятствует единству между отдельными чертами личности, между отдельными ее структурными компонентами, включая ценностную систему и жизнестойкость. Например, возьмем одну из характерных черт юношеского и молодежного возраста – склонность к гиперболизации, абсолютизации и фетишизации представлений о мире, других и о самих себе, что часто сопровождается неспособностью проанализировать и объективно оценить и признать свои собственные слабости, в результате чего мы наблюдаем знакомые всем самонадеянность и самомнение. Следующее наше предположение проистекает из достаточно сложной и разносторонней сущности исследуемых в нашем конкретном случае явлений, таких как смысловые ориентации и жизнестойкость, предполагающих: по всем их параметрам с соответствующими конкретизациями данные феномены не будут развиваться синхронно и демонстрировать одинаковые уровни функционирования во время переходного возрастного этапа, промежуточ-

ного между юностью и ранней зрелостью. Скорее всего, мы будем свидетелями **гетерохронности** и внутренней несогласованности между рассматриваемыми параметрами.

3. Методика эмпирического исследования смысложизненных ориентаций

Наше исследование проводилось в летнем семестре 2013/14 уч. г. со студентами ($N = 200$) от первого до четвертого курса обучения очного и заочного отделения двух факультетов – факультета педагогики и факультета начальной и дошкольной педагогики Софийского университета. В качестве методического инструмента мы использовали «Тест смысложизненных ориентаций» (СЖО), конструированный и валидизированный Д. А. Леонтьевым. Тест состоит из 20 пар альтернативных предложений, которые испытуемые могли оценить по 7-балльной шкале. Надежность инструмента многократно проверялась на студентах и других группах, а результаты указывают на устойчивость и надежность теста при $p < 0,05$. Исследование проводилось анонимно в группе: испытуемые указывали только свой возраст и пол, и перед ними открывалась возможность познакомиться со своими личными результатами со стороны исследователя.

Установленная факторная структура опросника включает пять шкал. Коротко охарактеризуем их содержание.

1. «Жизненные цели» (3, 4, 10, 16, 17, 18 пункты опросника), полученные значения по которым раскрывают наличие/отсутствие целей в жизни у испытуемых. Придают направленность, временную перспективу и осмысленность жизни.

2. «Процесс жизни или эмоциональная насыщенность жизни» (1, 2, 4, 5, 7, 9 пункты). Ответы по этим предложениям показывают, считает ли испытуемый свою жизнь интересной, эмоционально насыщенной и исполненной смысла.

3. «Результаты или удовлетворенность самореализацией в жизни» (8, 9, 10, 12, 20). Эти пять пунктов шкалы раскрывают оценку, которую испытуемый дает уже пережитому отрезку своей жизни: как и насколько продуктивной и осмысленной была часть уже пройденного жизненного пути.

4. Название четвертой шкалы – «**Локус контроля – Я**» (1, 15, 16, 9) – сформулировано с целью подчеркнуть, в какой степени испытуемый строит свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле.

5. Последняя, пятая шкала «**Локус контроля – Жизнь**» (7, 10, 11, 14, 18, 19) содержательно близка к предыдущей и дополняет ее, но одновременно с этим она подчеркивает степень уверенности испы-

туемых в принципиальной возможности самостоятельного осуществления сделанного ими жизненного выбора.

Математико-статистическая обработка данных проводилась с помощью программы SPSS, версия 22. Данные подверглись дисперсионному анализу через ANOVA-метод, позволяющий установить зависимость между отдельными показателями. Был приложен и дополнительный тест Bonferoni, который учитывает различия в количестве респондентов отдельных специальностей.

III. Анализ и обсуждение данных эмпирических исследований

1. Смысложизненные ориентации у болгарских студентов

Полученные данные теста смысложизненных ориентаций (СЖО) представлены в диаграмме 1, которая содержит **средние значения** по всем пяти шкалам общего показателя «осмысленности жизни». Из них видно, что по трем шкалам общего показателя средние значения близки и статистически значимо отличаются от средних значений остальных двух шкал. В первую группу входят в нисходящем порядке шкалы «цели в жизни» ($X = 32,23$; $SD = 7,95$), «процесс жизни или эмоциональная насыщенность жизни» ($X = 31,06$; $SD = 7,53$) и «локус контроля – жизнь» ($X = 30,77$; $SD = 6,79$). Вторая группа объединяет шкалы «результаты или удовлетворенность самореализацией» ($X = 25,62$; $SD = 5,31$) и «локус контроля – Я» ($X = 21,38$; $SD = 4,45$), хотя они отчетливо различаются по своим средним значениям.

Полученные результаты дают основание думать, что уровень осмысленности жизни у наших респондентов базируется в основном на «вкладе» значений шкал первой группы – «цели в жизни», «процесс жизни или эмоциональная насыщенность жизни» и «локус контроля – Жизнь», и гораздо в меньшей степени за счет второй группы – «результаты или удовлетворенность самореализацией» и «локус контроля – Я».

Как можно интерпретировать полученные нами результаты?

Результаты по шкале «**цели в жизни**» характеризуют процесс постановки целей, достижение которых помогло бы студентам приобрести чувства осмысленности, направленности и перспективности жизни во времени. При сравнительно высоких значениях по этой шкале речь идет о том, что испытуемые руководствуются «ясными целями и намерениями» в жизни, в результате чего жизнь кажется им «целенаправленной и вполне осмысленной», что они нашли свое призвание, удовлетворяющее и обеспечивающее их перспективу в будущем.

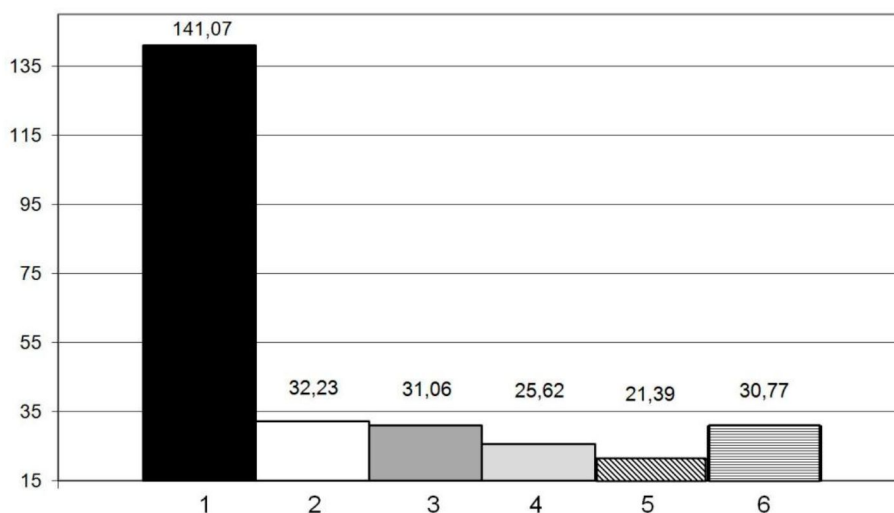

Диаграмма 1. Средние значения показателей осмысленности жизни. Шкалы: 1 – общий показатель осмысленности жизни, 2 – жизненные цели, 3 – процесс жизни, 4 – результаты, 5 – локус контроля «Я», 6 – локус контроля «Жизнь»

По шкале **«процесс жизни или эмоциональная насыщенность жизни»** полученные значения близки к данным предыдущей шкалы. Сравнительно более высокие значения по данной шкале свидетельствуют о том, что эти испытуемые увлечены жизнью, протекающей в соответствии с их мечтами, целями и планами, что они активны и целеустремленны, что их жизнь в целом кажется им интересной, эмоционально и содержательно насыщенной и осмысленной. И наоборот, низкие значения по этому показателю характеризуют пассивных и скучающих, тех, чья жизнь протекает без волнующих их интересов и новостей, из чего проистекает неудовлетворенность настоящей жизнью, лишенной целеустремленности и мотивирующего смысла.

Данные по шкале **«результаты или удовлетворенность самореализацией»** дали нам основания отнести их к группе со значительно более низкими значениями. Однако мы считаем, что объективное содержание именно этой шкалы придает ей качество своеобразного «критерия» осмысленности жизни в целом. И поэтому, когда испытуемые получают высокие значения по ней, тогда можем допускать, что это действительно люди, которые на данном отрезке жизни считают, что ежедневная деятельность и ее результаты им самим интересны, приносят им удовольствие и удовлетворение, что, если нужно подвести итог пройденного уже отрезка жизни – он будет положительным. Но когда значения по этой шкале низкие, тогда можно считать, что за ними скрывается отсутствие интересных для индивида занятий и успехов в направлении сознательного целеполагания и реа-

лизации жизненных планов, что, скорее всего, мы имеем дело с чувством беспокойства, с преимущественно негативными переживаниями.

Последние две шкалы – **«локус контроля – жизнь»** и **«локус контроля – Я»**, хотя и тесно связаны и взаимно дополняют друг друга, раскрывают, однако, принципиально разные значения. Сознание того, что человек располагает в принципе возможностью контролировать свою жизнь, быть ее «хозяином», мечтать и строить планы, принимать самостоятельные решения для их реализации, убежденность в том, что может осуществлять свой жизненный выбор в соответствии со своими идеалами и планами («локус контроля – Жизнь») не всегда, однако, сопровождаются адекватными усилиями со стороны студентов для достижения соответствия между «мечтой и реальностью», «мыслями и действиями», «словом и делом». О такой «неконгруэнтности», видимо, сигнализируют значительно более низкие значения испытуемых по шкале «локус контроля – Я». За ними лежат признания некоторых респондентов о том, что они неактивны и нецелеустремленны, что предоставляют себя «течению жизни», что внешние обстоятельства сильнее их самих, что их собственная жизнь скучна и неподвластна им самим (экстернализированная локализация контроля); иными словами, эти данные говорят о «застревании» в прошлом и бесперспективности в отношении будущего.

Такой явный диссонанс мог иметь ряд объяснительных причин и, предположительно, среди них могут быть прежде всего некоторые типичные возрастные психосоциальные особенности. Здесь, возможно,

отражается установленный М. Кляйн [5] переход от «шизопараноидальной» к «депрессивной» личностной позиции, т. е. от убежденности, самоуверенности и самонадеянности в отношении своих возможностей – к более объективной и реалистической их самооценке, конфронтированной с неизбежными жизненными провокациями. С другой стороны, не всегда уверенность в своих собственных силах (часто по аналогии с физическими возможностями), которые в этом возрасте бесспорны) имеет реальное подтверждение в области души и особенно в области духовности и воли, чтобы чувствовать, что за наполненность и осмысленность своей жизни должны отвечать не обстоятельства или другие люди, а мы сами. Другими словами, не всегда естественная для возраста потребность в свободе выбора («свобода от...») имеет в качестве своего эквивалента другую составляющую бинарной оппозиции, а именно «свободу для...».

Не на последнем месте в качестве объяснения полученных данных следует привлечь и специфические особенности более широкого контекста – национального и этнокультурного и, особенно, современного конкретно-исторического – социально-экономического, духовно-аксиологического и образовательного контекста. По данным Евростат, сегодня Болгария является самой «бедной страной Европейского союза». Стагнация в области экономики уже более 25-ти лет порождает и не в состоянии снизить высокий уровень безработицы, особенно среди молодых людей, лишает их возможности для самореализации, создания семьи и биологического воспроизводства, а это базовые потребности молодежи. И не случайно в основном молодые люди находятся в «фарватере» нестихающего иммиграционного потока за границу. По данным социального министерства, к концу 2013 года 56 % иммигрировавших из страны находятся в возрасте 20–39-ти лет. Увеличивается и число юношей, предпочитающих учиться не у нас, а за границей. По данным национальной статистики, обсуждаемые в периодической печати в 2014 году профессором Н. Стефановым, о Болгарии правильнее сегодня говорить не «демографический кризис», а «демографическая катастрофа». Ежегодно болгарское население уменьшается на 80 000 и около 100 000 молодых людей уезжают учиться за границу. Согласно этим данным, Болгария находится в списке 20-ти держав мира с самой низкой рождаемостью (9,0 на 1000) и одновременно с этим с нарастающей тенденцией по показателю смертности населения (14,0 на 1000). Сегодня Болгария занимает 4-ое место среди 30 европейских дер-

жав по общей ранней смертности мужчин и женщин в возрасте 45–74-х лет, в основном, из-за сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний.

Не обсуждая, но и не отрицая влияния некоторых этнокультурных скриптов на смысло-жизненные ориентации у сегодняшней молодой генерации болгарского народа, мы, однако, делаем акцент на нынешних условиях ее существования в качестве более сильного контрибутивного фактора.

2. Исследование жизнестойкости у болгарских студентов

Исследования проблем жизнестойкости основываются на постулатах экзистенциализма (Ж. П. Сартр, К. Ясперс, М. Хайдеггер, Н. Бердяев и др.), находившие естественное отражение в гуманистических концепциях в области психологии и психотерапии (Г. Олпорт, А. Маслоу, Р. Мей, В. Франкл, И. Ялом, Н. Риф и множество других). Эмпирическое исследование явления «жизнестойкости» (с англ. “hardiness” – твердость, устойчивость, выносливость) впервые связывается с американским психологом С. Мадди и его сотрудниками [22]. За этим термином они видят способность личности сопротивляться конфликтным, стрессовым и экстремальным ситуациям, сохраняя как внутреннюю структуру и равновесие, так и потенциал для созидательной деятельности в будущем. Подобная личностная диспозиция, позволяющая человеку прилагать устойчивые и одновременно с этим гибкие формы саморегуляции, подвергается эмпирической проверке С. Мадди и сотрудниками с помощью теста, впоследствии адаптированного и использованного многими исследователями в разных странах.

Жизнестойкость личности конкретизируется ее исследователями в трех взаимосвязанных показателях – вовлеченности, контроле и принятии риска, позволяющих противостоять и противодействовать деструктивному влиянию конфликтных и стрессогенных ситуаций как на психосоматическое и психическое здоровье, так и на продуктивность деятельности в предметном и социальном мире. В качестве «фундамента» жизнестойкости исследователи принимают смысло-ценностную сферу личности, что и дает основание объединять их в своих эмпирических исследованиях.

За «вовлеченностью» как компонентом жизнестойкости лежит наличие интереса к миру и жизни, удовлетворение своей собственной деятельностью и взаимоотношениями с другими людьми, в процессе которых человек проверяет свою необходимость, значимость и ценность, а в результате – чувство содержательности и осмысленности жизни. За «контролем» исследова-

тели ищут понимание со стороны личности того, что противодействие негативным обстоятельствам предполагает возобновление усилий после неуспеха и неблагоприятных обстоятельств с целью достижения результатов, удовлетворяющих не только личность, но и общество, является необходимым условием для добывания лично пережитого и нужного жизненного опыта. И наконец, «**принятие риска**» связывается с пониманием личного опыта – положительного и отрицательного, в качестве необходимой ценности, которая побуждает и динамизирует, направляет и корректирует активность личности, стимулирует у нее уверенность в необходимости риска перед жизненными пертурбациями. То есть, что все это является единственным верным путем в жизни человека, ведущим в конечном

счете к успеху и благополучию как отдельного человека так и общества в целом.

Наше эмпирическое исследование жизнестойкости болгарских студентов является фрагментом того же международного исследовательского проекта под руководством Н. О. Леоненко, где использовался адаптированный Д. А. Леонтьевым и Е. И. Рассказовой [10] вариант теста С. Мадди. С помощью этого теста осенью 2014 года были исследованы 200 студентов различных гуманитарных специальностей Софийского университета.

Данные, полученные при помощи «теста жизнестойкости», после математико-статистической обработки представлены в Диаграмме 2, которая содержит средние значения как по обобщенному показателю жизнестойкости, так и по трем его конкретизациям – вовлеченности, контролю и принятию риска.

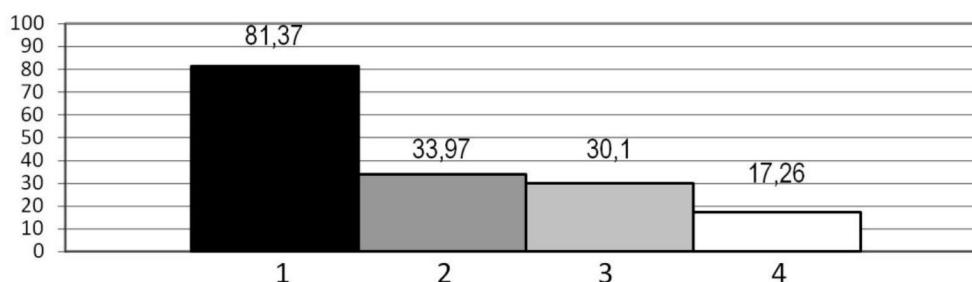

Диаграмма 2. Средние данные. Шкалы: общий показатель жизнестойкости – 1, вовлеченность – 2, контроль – 3, принятие риска – 4

Результаты математико-статистического анализа показали, что с самыми высокими средними значениями является показатель «вовлеченности» ($X = 33,97$; $SD = 18,08$), непосредственно и близко следующий уровнем второго показателя – «контроля» ($X = 30,10$; $SD = 7,34$), от которых статистически отличаются почти наполовину более низкие значения третьего показателя – «принятия риска» ($X = 17,26$; $SD =$

$4,82$). То есть уровень жизнестойкости наших испытуемых основывается, преимущественно, на вовлеченности и контроле, и в меньшей степени – на принятии риска. Проведенный типологический (профильный) анализ позволил разграничить две группы испытуемых. Одна из них с более высокими значениями по всем параметрам жизнестойкости, а другая – с более низкими. Их профили видны на графике 1.

График 1. Типологический/профильный анализ данных

Если «вовлеченность» в качестве компонента жизнестойкости связывается в основном с интересом человека к окружающему миру и жизни в нем, со сосредоточенностью и удовлетворенностью результатами своей деятельности и взаимоотношениями с другими людьми, в процессе которых он испытывает, проверяет и удостоверяет уровень своих возможностей, свою личную ценность, воспринимает жизнь как осмысленную, тогда о чем говорят полученные нами данные по этому вопросу? В целом, данные по этой шкале, в сравнении с другими совокупностями по проекту [6, 8] сигнализируют об относительно о невысоких ее значениях ($X = 33,97$; $SD = 8,08$ – см. диаграмму 2). Основания для этих невысоких значений находим в часто выражаемых большей частью студентов ($N = 100-112$) директных или индиректных проявлений отсутствия интереса к жизни, признаний, что иногда жизнь кажется им «бесцветной». Аргументы для этого же видим и в результатах проведенного типологического (профильного) анализа. Наряду с этим они не испытывают удовлетворения от деятельности, в которую включены, и считают ее «бесполезной», а иногда их пугают и мысли о будущем. Наоборот, иллюстрации с положительным знаком встречаем в группе с более высокими значениями ($X = 40,89$ – см. график 1) по этой шкале, а именно – удовлетворенность студентов занятостью, стремлением быть в курсе событий, чувство, что они уважаемы в приятельском кругу.

За «контролем» лежит осознание личности необходимости активно противодействовать негативным обстоятельствам, преодоления неудач в деятельности и неблагоприятных отношений с целью поиска и открытия смысла жизни. Средние значения по этой шкале более низкие ($X = 30,10$; $SD = 7,34$) от вовлеченности, но все же близки к ним. В положительном плане первая группа студентов ($X = 36,24$ – см. график 1) выказывает предпочтение трудно постижимых целей, уверенность в своих возможностях «контролировать ситуацию» вокруг себя и благодаря своему упорству влиять на результаты. Неудачные, или даже «потерпевшие поражение», но в принципе ориентированные на будущее, студенты склонны возобновлять попытки достижения желаемых целей. Другими словами, можно сказать, что это, по существу, студенты, интернализирующие «локус контроля», рефлексирющие над собственными возможностями в отношении одной или другой деятельности и их результатами.

Во второй группе отрицательные установки студентов ($X = 25,29$ – см. график 1) по шкале контроля иллюстрируются при-

знаниями, что они часто попадают под влияние обстоятельств и «плывут по течению», что неизбежные в жизни трудности их смущают и утомляют. Их посещает чувство, что они не являются «хозяевами» своей собственной жизни, что она как бы протекает мимо них самих и независимо от них, что их усилия непродуктивны, что некоторые их актуальные проблемы коренятся в далеком прошлом, объясняются уж случившимися событиями. В таких случаях, возможно, на передний план выходит экстернализированная форма «локуса контроля».

Было отмечено, что средние значения по третьему показателю жизнестойкости – «принятию риска» являются самыми низкими ($X = 17,26$; $SD = 4,82$) и что они статистически значимо отличаются от результатов первых двух показателей – вовлеченности и контроля. Этому факту мы придаем особое значение, так как, на наш взгляд, именно принятие риска перед неблагоприятными обстоятельствами и борьба с ними носят качества своеобразного «предиктора» жизнестойкости. Воспринимается ли все это со стороны испытуемых в качестве ценности, придающей осмысленность их собственного существования и жизни?

Наоборот, склонные к принятию риска ($X = 20,72$), несмотря на неудачи в собственной деятельности и независимо от взаимоотношений с другими (благополучные / неблагоприятные), воспринимают и используют накопленный ими опыт в качестве их динамизирующей, направляющей и организующей ценности жизни. Основания для этого видим в их гибкости перед обстоятельствами, в их уверенности в правильности собственных решений, в возможности влиять положительно на процессы и их результаты, пользуясь своим упорством и непреклонностью. Подобные установки студентов непосредственно корреспондируют с постулатами экзистенциализма о том, что риск в борьбе для встречи и преодоления трудностей и неблагоприятных жизненных обстоятельств является верным путем к непрерывному развитию и прогрессу как в индивидуальном, так и в социальном плане.

И все же, установленная значительная рассогласованность между «принятием риска» в качестве своеобразной «ядерной» характеристики жизнестойкости, с одной стороны, и другими двумя ее показателями – вовлеченностью и контролем, с другой стороны, имеет свои причины как в самих испытуемых, так и в окружающем их социально-экономическом, духовно-аксиологическом и нормативно-практическом контексте. Можно привлечь для объяснения этого факта очевидной своеобразной «не-

конгруэнтности» между отдельными компонентами одного и того же общего конструкта личности – ее жизнестойкости перед жизненными трудностями, одного из постулатов гуманистической психологии и, точнее, тех теоретических заключений, которые К. Роджерс [12] сделал в отношении нашего времени. Самоопределение людей, согласно Роджерсу, императивно требует наличия личного собственного опыта или, как он его называет, «феноменального поля», которое включает не только внешние, экзогенные факторы и воздействия, но и их внутренние, эндогенные переживания со стороны личности. Конгруэнтность (“congruence”), то есть соответствие и эквивалентность сознания о чем-то насчет мира и самого себя, с одной стороны, реальным действиям, опыту и переживаниям человека, с другой стороны, является императивным требованием для продуктивности и достижений, для тождественности и целостности, для «себяактуализации» и «трансцендентности» личности, а отсюда и для осмысленности своего собственного существования. Мы все еще не можем уверенно говорить о наличии у молодежи достаточного личного опыта, обеспечивающего необходимое структурированное «феноменальное поле» личности, о котором говорит К. Роджерс.

А не влияют ли и как именно сегодняшние «аномичные реалии» в современном болгарском обществе, в котором продолжительное время господствовали социокультурные коды на установленную неэквивалентность между отдельными компонентами одной и той же личностной структуры у молодых людей? Поскольку сами люди, хотя и в неодинаковой степени, «обусловлены и предопределены» контекстом и реальностью, в которой живем [15], а они не являются и не могли быть «онтологичными» и «монолитными», не можем и не должны ожидать онтологичности и монолитности личности у наших испытуемых, как и у каждого из нас. Если открыто и непредвзято посмотрим на современную реальность, тогда невозможно не заметить совершающийся процесс пересмотра и «трансформации» ценностей, отказа от прежних привязанностей и норм, и направленность к новым «идеалам» и «ориентирам», нередко утилитарным. Притом, эти процессы настолько плюралистичны, полифоничны и мучительны, что сегодня мы затрудняемся указать на общие консолидирующие и объединяющие ценности в рамках отдельных общностей одного и того же народа, одной и той же нации. Не говоря уже о неумении быть свободными людьми, о недостающей «культуре для свободы», а

еще менее о триумфальной фетишизации вещественности и материальности бытия некоторых людей в ущерб духа и души. Свобода, как известно, есть совокупность принципов, преимущественно морального порядка, которые требуют их соблюдения. Это чувствительность к своим внутренним импульсам; независимость и самостоятельность в мышлении, оценках и действиях, сопутствующих ответственности перед другими и собственной совестью; конструктивность и созидательность в работе, любовь к другим людям и ответственность перед ними.

В теоретической постановке проблемы мы отметили некоторые аномичные особенности современной болгарской действительности. В стремлении объяснить полученные нами данные насчет смысло-жизненных ориентаций и жизнестойкости наших испытуемых, добавим еще несколько. В нашей стране один из самых низких показателей естественного прироста населения в Европейском союзе, а по количеству детей, рожденных вне брака, Болгария занимает первое место в этом союзе (в 2013 году внебрачные дети составляли 59 % всех новорожденных), то есть постоянно увеличивается число молодых пар, живущих на семейных началах, но без заключения брака. А каждый второй брак кончается разводом. То есть синдром «разбитого семейства» коснулся и нас. В результате, сегодня у нас дети до 14 лет составляют едва ли 15,4 % от населения страны, а пенсионеры – 32 %. И все это в стране и при народе, в которой и для которого семья и дети веками подряд считались первостепенной ценностью. Ежегодно Болгария расстается с тысячами своих граждан, десятки тысяч уезжают учиться за границу, трудно сказать, сколько из них не вернется обратно. Из 65 000 первоклассников в 2015 году пятая часть будет учиться за рубежом, следуя за родителями-мигрантами. Вот почему несколько лет подряд пустуют места в болгарских высших учебных заведениях. Одновременно с этим, как мы уже отметили, ухудшается состояние здоровья народа. Нельзя пренебрегать этнокультурной составляющей нынешней болгарской демографической катастрофы – среди новорожденных детей меньше половины рождены этнически болгарскими матерями, по сравнению с ростом рождаемости турецких и особенно цыганских детей.

Вернемся и к естественной среде студенческого возраста – к современной системе в области высшего образования. Среди положительных сторон нашего высшего образования и, особенно в области гуманитаристики, отметим хотя бы три: 1) серьезная теоретическая подготовка, которая час-

то уважаема и признаваема даже иностранными экспертами, студентами и преподавателями; 2) разносторонность полученных знаний; и 3) высокая педагогическая культура тех, кто непосредственно готовится реализовывать педагогическую деятельность на различных ступенях образовательной системы [11]. Если, однако, пристальнее, глубже и взыскательнее присмотреться к системе нашего гуманитарного высшего образования, тогда нельзя не заметить и не согласиться, что в ней прагматический и аксиологический подходы не находят места в достаточно необходимой степени. Она не ориентирована и не ставит акцента на самостоятельном поиске и получении знаний со стороны студентов при помощи, разумеется, преподавателей; студентам чаще всего предлагаются теоретические и «готовые

знания» и они редко оказываются в условиях самостоятельного и субъектного их получения. Практическое измерение обучения имеет незаслуженно низкий статус, судя по времени, которое ему отводится, по месту приложения знаний на практике, чтобы они могли проверить их и превратить в умения – все это неудовлетворительного качества, а, отсюда – слабая их практическая осмысленность и ценность. Полученные теоретические знания редко связаны с решением актуальных ежедневных задач, они чуть ли не «нейтральны» и не нужны в настоящей жизни индивида. И не на последнем месте, это более сильная или более слабая, но постоянная и полифоническая идеологизированность обучения по некоторым учебным предметам гуманитарного цикла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Димитров И. Т. Этнокультурная среда и психосоциальное развитие [на болг. языке]. София : Изд-во Софийск. ун-та, 2010.
2. Димитров И. Т. Рефлексия реальных ориентиров современного образования для выявления путей его культуросообразного развития // Исследовательские инициативы студенческой молодежи как социальная практика современного профессионального образования : 1 Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и преподавателей вузов (Санкт-Петербург, 20–22 февр. 2013 г.). С. 51–58.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд : сокр. пер. с фр. / под ред. В. А. Базарова. М., 1994.
4. Калчев П. П. Психическое благополучие в юношеском возрасте [на болг. яз.]. София : Восток – Запад, 2014.
5. Кляйн М. Любовь. Зависть. Благодарность [на болг. языке]. София, 2000.
6. Леоненко Н. О. Жизнестойкость личности студентов: этнопсихологический аспект. Екатеринбург, 2013.
7. Леоненко Н. О. Этнические ресурсы жизнестойкости студентов в контексте межкультурного диалога в условиях образовательной среды // Педагогическое образование в России. 2013. № 4. С. 53–60.
8. Леоненко Н. О., Скотникова А. М. Этнопсихологические особенности и условия развития жизнестойкости у студентов. Екатеринбург, 2014
9. Леонтьев Д. А. Тест смысловых ориентаций (СЖО). М. : Смысл, 1992.
10. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М. : Смысл, 2006.
11. Пегкова И. О. Выбор специальности, ожидания от обучения, представление о будущей реализации [на болг. яз.] // Педагогика. 2011. № 4. С. 98–110.
12. Роджерс К. Р. Клиент-центрированная психотерапия. Теория, современная практика и применение. М. : Эксмо-Пресс, 2002.
13. Солженицын А. Россия в обвале. М. : Русский мир, 1998.
14. Франкл В. Воля для смысла : избр. докл. по логотерапии [на болг. яз.]. София : Лече Артис, 2011.
15. Фуко М. Герменевтика субъекта. М. : Социо-Логос, 1991.
16. Crumbauh J. C. Frankl's Will to Meaning in a Religious Order // Journal of Clinical Psychology. 1970. № 26. P. 206.
17. Crumbaugh J. C., Maholic L. T. The Case for Frankl's Will to Meaning // Journal of Existential Psychiatry. 1963. № 4. P. 43.
18. Diener E. (ed.). The Science of well-being: The collected works of Ed. Diener. Dordrecht : Springer, 2009.
19. Erikson E. Childhood and Society. Second Edition. N. Y. : Norton and Co, 1963.
20. Erikson E. Dimensions of a New Identity. N. Y. : Norton and Co, 1974.
21. Frankl V. Man's Search for Meaning: An Introduction to Logotherapy. Boston Beacon Pr., 1962.
22. Maddi S., Khoshaba D. Hardiness and Mental Health // Journal of Personality Assessment. 1994. Vol. 63. P. 2.
23. Keyes C. Social well-being // Social Psychology Quarterly. 1998. № 61. P. 121–140.
24. Ryff C. Psychological well-being in adult life. Current Directions in Psychological Science. 1995. № 4. P. 99–104.

REFERENCES

1. Dimitrov I. T. Etnokul'turnaya sreda i psikhosotsial'noe razvitie /na bolg. yazyke/. S. : Izd. Sofiyskogo universiteta, 2010.
2. Dimitrov I. T. Refleksiya real'nykh orientirov sovremennogo obrazovaniya dlya vyavleniya putey ego kul'turosoobraznogo razvitiya // Issledovatel'skie initsiativy studencheskoy molodezhi kak sotsial'naya praktika sovremennogo professional'nogo obrazovaniya // Pervaya Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya studentov, aspirantov i prepodavateley vuzov. Sankt-Peterburg, 20–22 fevralya 2013 goda. S. 51–58.
3. Dyrgeym E. Samoubiystvo: Sotsiologicheskii etyud /Per. s frantsuzskogo s sokr./ Pod red. V. A. Bazarova. M., 1994.
4. Kalchev P. P. Psikhicheskoe blagopoluchie v yunosheskom vozraste /na bolg. yazyke/. S. : Vostok - Zapad. 2014.

5. Klyayn M. Lyubov'. Zavist'. Blagodarnost' /na bolg. yazyke/. S., 2000.
6. Leonenko N. O. Zhiznestoykost' lichnosti studentov: Etnopsikhologicheskiy aspekt. Ekaterinburg, 2013.
7. Leonenko N. O. Etnicheskie resursy zhiznestoykosti studentov v kontekste mezhkul'turnogo dialoga v usloviyakh obrazovatel'noy sredy // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2013. № 4. S. 53–60.
8. Leonenko N. O., A. M. Skotnikova. Etnopsikhologicheskie osobennosti i usloviya razvitiya zhiznestoykosti u studentov. Ekaterinburg, 2014
9. Leont'ev D. A. Test smyslozhiznennykh orientatsiy /SZhO/. M. : Smysl, 1992.
10. Leont'ev D. A., Rasskazova E. I. Test zhiznestoykosti. M. : Smysl, 2006.
11. Petkova I. O. Vybora spetsial'nosti, ozhidaniya ot obucheniya, predstavlenie o budushchey realizatsii /na bolg. yazyke // Pedagogika. 2011. № 4. S. 98–110.
12. Rodzhers K. R. Klient-tsentrirovannaya psikhoterapiya. Teoriya, sovremennaya praktika i primeneniye. M. : Eksmo-Press, 2002.
13. Solzhenitsin A. Rossiya v obvale. M. : Russkiy mir, 1998.
14. Frankl V. Volya dlya smysla. Izbrannyye doklady po logoterapii /na bolg. yazyke/. S. : Lege Artis, 2011.
15. Fuko M. Germenevtika sub"ekta. M. : Sotsio-Logos, 1991.
16. Crumbauh J. C. Frankl's Will to Meaning in a Religious Order. // Journal of Clinical Psychology. 1970. 26, 206.
17. Crumbaugh J. C., Maholic L. T. The Case for Frankl's Will to Meaning. // Journal of Existential Psychiatry. 1963. 4, 43.
18. Diener E. /Ed./. The Science of well-being: The collected works of Ed. Diener. Dordrecht : Springer, 2009.
19. Erikson E. Childhood and Society. Second Edition. N.Y. : Norton and Co, 1963.
20. Erikson E. Dimensions of a New Identity. N.Y. : Norton and Co, 1974.
21. Frankl V. Man's Search for Meaning : An Introduction to Logotherapy. Boston Beacon Press, 1962.
22. Maddi S., Khoshaba D. Hardiness and Mental Health // Journal of Personality Assessment. 1994. Vol. 63. 2.
23. Keyes C. Social well-being. Social Psychology. Quaterly. 1998. 61. P.121–140.
24. Ryff C. Psychological well-being in adult life. Curren Directions in Psychology Science. 1995, 4, P. 99–104.

Статью рекомендует канд. психол. наук, доц. Н. О. Леоненко.